

Tzvetan Todorov

MIKHAIL BAKHTIN: THE DIALOGICAL PRINCIPLE
University of Minnesota Press, Minneapolis,
London, 1984, translated from French by Wlad Godzich.

Несколько замечаний к вопросу о том,
какие недоразумения простительны, а какие нет

Глубокая озабоченность Тодорова судьбой бахтинского наследия вызывает, конечно, чувство глубокой симпатии. Уже на первых страницах он предупреждает западных читателей, что западные переводчики Бахтина, не зная или не понимая его системы мысли, часто допускали концептуальные искажения в своих переводах Бахтина, что же касается рецензии бахтинских работ на Западе, то здесь приговор Тодорова суров, но справедлив: почти все западные реакции на первые бахтинские публикации, пишет он, основываются на “простительных” недоразумениях. По всей видимости, автор точно знает, какие недоразумения в интерпретациях Бахтина простительны, а какие нет, поэтому нам не остается ничего другого, как обратиться к глубоко уважаемому автору с просьбой помочь нам разобраться в этом непростом вопросе, поскольку мы нашли в его тексте целый ряд ?????-х недоразумений. Чтобы автор не утрудил себя лишними поисками, мы огласим по порядку самые ?????-е из них, и на этом будем считать нашу скромную задачу выполненной.

1. Автор не смог уйти от злополучного вопроса — кто такой Бахтин? Нужно отдать ему должное, он воздержался от категорических суждений. Но подобно тому, как он знает, что простительно в адрес Бахтина, а что нет, точно так же он, по всей видимости, знает, кто Бахтин в первую очередь, а кто во вторую (и далее по списку), потому что с завидным спокойствием утверждает, что Бахтин, по преимуществу, — теоретик текста. С кем будет, по преимуществу, иметь дело уважаемый автор, утверждая такое? Очевидно — с теоретиком текста, которого он увидел в Бахтине, но никак не с самим Бахтиным, о котором он пишет. Какое ?????-е недоразумение.

2. Наш уважаемый автор, безусловно, человек очень тонкого ума, о чем свидетельствует особая шекотливость формулировок, к которым поначалу не знаешь, как и подобраться. Тем более что они осмыслительно окружены мастерски подобранными цитатами — это, так сказать, тяжелая артиллерия, целью которой — пригнать ваше чутье и заставить вас проглотить как нечто само собой разумеющееся сентенцию, нюансы которой, возможно, уже начали действовать на вас раздражающе. Вот и мы ощутили некоторое волнение, прочитав, что, согласно Бахтину, *объект гуманитарных наук — это не человек, но человек как производитель текстов* (с. 17). Учитывая композиционное обрамление этой фразы в разбираемой книге, нельзя не признать — тонкая работа. Любая попытка дискредитировать это утверждение для неискушенного человека покажется игрой в слова. Действительно, с нюансами легко

играть, но трудно иметь дело. Но любой нюанс в полной мере разоблачит себя, если методично поставить акценты в том направлении, куда он клонит. Изложим в тезисном виде акценты Бахтина: гуманитарные науки — это науки о человеке в его специфичности; их реальный объект — социальный человек, говорящий и выражающий себя с помощью различных средств; гуманитарные науки — о духе, дух не дан, как вещь, но выражается через текст; предмет гуманитарных наук — говорящее, выразительное бытие; объект гуманитарных наук — не один, но два духа, а точнее — взаимодействие духов.

Таким образом, попытаться “исправить” нюанс известной фразы можно было бы, сказав, что объект гуманитарных наук — это текст как средство выражения человека. Гуманитарные науки обращаются к тексту как реальности, выражающей “человека в человеке”, обнаруживающей человеческое измерение. В таком случае тексты, в которых выражает себя человек, — это свидетельства принципиальной незавершенности, открытости, становящегося характера человеческого бытия, тем и отличающегося от вещи, что оно не дано, но задано. Такое, сбитынное (в бахтинской терминологии), понимание текста (высказывания, выражения) и привело Бахтина к разработке новой науки — металингвистики, не вписывающейся ни в какую науку о знаках.

Куда ведут нюансы обеспокоившей нас фразы, ее автор совершенно ясно демонстрирует сам, действуя, по понятным причинам, весьма избирательно. Опираясь на работу В. Н. Волошинова *Слово как идеологический знак*, он фиксирует, что при определении объекта гуманитарных наук Бахтин использует оппозицию вещь / знак, после чего автор “ничтоже сумняшися” заключает: гуманитарные науки тогда — подразделение семиотики. По всей видимости, автор не понимает, что увлекшись понравившейся ему оппозицией, он оказался в оппозиции к Бахтину — какое ?????-ое недоразумение!

При всем уважении к автору трудно понять такое игнорирование не просто хорошо известных, но принципиальных вещей, в данном случае — базового для Бахтина противопоставления вещи и личности при определении специфики гуманитарных наук, по отношению к которому оппозиция вещь / знак имеет вторичный характер. Однако нельзя не отметить последовательности автора, ведь семиотика действительно анализирует общи (структурные) закономерности того производственного процесса, в котором производитель — человек, а продукт — текст. Правда, читая книгу дальше, мы оказываемся несколько сбитыми с толку (что происходит всякий раз, когда автор начинает противоречить себе), потому что выясняется, что автор игнорирует оппозицию вещь / личность тоже как-то избирательно и, следовательно, выглядит совсем непоследовательным, поскольку, процитировав самое начало фрагмента *К философским основам гуманитарных наук* (который начинается с обозначения этой оппозиции), пишет: “Другими словами, в естественных науках мы познаем объект, а в гуманитарных — субъект” (с. 18), т. е. личность. Последовательность требует здесь воистину революционного решения — заявить, что наука о знаках должна заняться бытием личности. Если бы такое заявление было сделано, его, конечно, стоило бы обсудить. Но уважаемый автор не ставил себе целью делать смелые заявления — он “просто” воспроизводит Бахтина — какое ?????-е недоразумение.

3. Следующий пассаж не оставит равнодушным того, кто знаком с Бахтиным в первую очередь (хронологически) как с философом. Нам уважаемый автор пишет: “Бахтин защищает субъективность, но не субъективность познающей личности, как это обычно имеет место (здесь приводится пример Киркегора. — *Прим. рецензента*), но субъективность “вещи”, которая познается” (с. 21). Движимый благородным пафосом “дать снова зазвучать голосу Бахтина” (с. 112), автор, неумиленно, конечно, наступает на горло собственному “протезе”, сводя тем самым на нет и свой пафос. Проект “первой философии” Бахтина, можно сказать, был развернут под лозунгом: познаний не должен терять своего единого и единственного места в бытии, более того, онтология события в качестве фундамента гуманитарных наук предлежит самому различению познающего и познаваемого, с равной силой выступая тем самым гарантом защиты для обеих сторон. К сожалению, она едва ли сможет обеспечить защиту уважаемому автору, поскольку, как известно, даже незнание сути дела не освобождает от ответственности за суждения, кои этого дела касаются. Тот факт, что Тодоров не знал работы *К философии поступка*, не избавляет его книгу от судьбы перформативного противоречия, в которое он попадает со всеми своими недоразумениями, начав книгу словами: “все западные реакции на публикации Бахтина основываются на недоразумениях”. Учитывая все нюансы этой фразы (см. в начале статьи), избавить нашего уважаемого автора от такой незавидной участи может теперь лишь одно — признание, что его недоразумения непростительны. Дилемма не из легких.

4. Переходим теперь к вопросу, в котором достаточно уверенный (как мы уже смогли убедиться) ход рассуждений нашего многоуважаемого автора становится еще более смелым и напористым. Сразу оговоримся: мы не считаем, что вопрос, который вызвал критические замечания Тодорова, беспорен и не требует проблематизации, однако нас сейчас интересует, что именно “инкриминируется” Бахтину, и если эти критические послы не вполне обоснованы и являются, в известном смысле, недоразумениями, то насколько таковые ???-ны?

Итак, речь идет о высказывании как предмете металингвистики у Бахтина. По мнению Тодорова, проблема заключается в том, что высказывание в силу своей уникальности (специально подчеркиваемой Бахтиным) не может выступать объектом науки, т. е. как единичное и уникальное оно может быть объектом истории, но не металингвистики. И далее автор пишет: “Металингвистика не должна изучать высказывание на предмет того, что делает его уникальным (Бахтин этого и не говорил! — *Прим. рецензента*), но должна изучать законы его функционирования, что Бахтин и делает в собственных работах по металингвистике” (с. 28). Зачем тогда ради укрепления своего критического пафоса формулировать в качестве опонируемого суждения то, что Бахтин не говорил? Металингвистика не занимается разбором и описанием конкретных (исторических) фактов, определяющих уникальность того или иного высказывания, — это было бы профанацией самой идеи металингвистики. Если в начале книги Бахтин был представлен как теоретик текста, то в качестве кого его выставляют теперь? В своих работах по металингвистике, как это отмечает и сам уважаемый автор, Бахтин изучает закономерности функционирования, т. е. принципы и условия динамики

высказывания как а уникального события — и это принципиально для Бахтина, как и для всех тех, кто ставил проблему конкретного априори, *L'Universel singulier, das individuelle Allgemeine*. В данном вопросе обнаруживается очевидная предвзятость самого автора. Сохранение собственных убеждений заслуживает уважения, но должно ли это вести к искажению объективного (!?) представления Бахтина? Наш уважаемый автор сохранил нейтральность изложения, пока речь шла о различном понимании объекта в позитивных и гуманитарных науках “вообще”, но как только речь зашла о таком конкретном объекте как высказывание, его страждущий объективизма дух не выдержал, он даже забыл, что теперь должен как-то считаться с тем, что “есть объект и есть объект”. Этой дискуссии с позитивизмом в гуманитарных науках, как известно, уже много лет, и именно поэтому заслуживает особого внимания и особенно ценна ситуация, когда автор, придерживающийся одного направления, находит нужным представить автора, двигающегося в противоположном направлении. Да, но только в том случае, если критика, которая неизбежно развернется по тому или иному вопросу, будет в состоянии набирать размах, отталкиваясь от аутентичных положений оппонента (и следовательно, придерживаясь сути дела), а не использовать искусственные предлоги для своего “триумфального шествия”. Иначе и не назовешь заключительные аккорды развернутой автором критики: Бахтину, пишет он, точно так же как и Дильтею, недостает понимания того, что и гуманитарные науки нуждаются в теоретизировании, а не только в интерпретации, что должна быть разница между общей теорией объекта и интерпретацией практических примеров (с. 28). В данном случае, как хорошо видно, критический накал вызван мнением, которое Бахтину не принадлежит, — какое !!!-е недоразумение. Однако излишняя строгость здесь ни к чему — мы считаем, что автор и так уже достаточно “наказан”: ведь если он хочет “закрепить” свое открытие относительно того, что гуманитарные науки нуждаются в теоретическом обосновании, что частные дисциплины, со всей своей предметной конкретикой, должны базироваться на объединяющей их теории, то пусть обратится к Бахтину. Правда, тогда ему придется сделать еще одно открытие — что Бахтин в первую очередь не только теоретик текста.

5. Заключительное, пятое, недоразумение прямо связано с тем, что последнее открытие нашему уважаемому автору еще только предстоит совершить. “Концепция человеческой личности, насколько она появляется у Бахтина, — щепетильно рассуждает он, — не является целью сама по себе, она просто необходима для того, чтобы разработать его теорию эстетического акта” (с. 98). — Критическая рецензия на книгу Тодорова не является целью сама по себе, она просто необходима для того, чтобы показать основные недоразумения этой книги.

Т. В. Щитцова